

Без парадоксов

В № 15 журнала «64» за 1980 год опубликована статья В. Васильева «Парадокс о Ботвиннике». Удивляют размеры статьи и неумеренность похвал в мой адрес как шахматиста. Но не об этом речь.

Статью можно разделить на две части: 1) Ботвинник — шахматист и 2) Ботвинник — автор книги «К достижению цели». О первой части можно бы и не говорить — существенно нового там нет.

Обращает лишь внимание, как объясняет Васильев отрицательное отношение к стилю игры молодого Ботвинника — мол, Ботвинник рано стал зрелым мастером, а подлинный талант в молодые годы непременно должен ошибаться. Любая теория имеет право на существование, если она не расходится с практикой; ежели вспомнить, что Ласкер, Капабланка, Смыслов, Фишер и Карпов «созрели» в молодости, то объяснения Васильева вряд ли можно принять. И далеко не все отрицательно относились к стилю моей игры...

А вот о рецензии Васильева на книгу поговорить необходимо. Основная идея рецензии состоит в том, что в книге отражена жизненная борьба, лицо Ботвинника, что автор субъективно честен, но объективно не вполне прав... По мнению Васильева, в этом виноват характер Ботвинника — жесткий, резкий, недоверчивый, нетерпимый, ничего и никому не прощающий, угловатый, педантичный, пристрастный, колкий, лишенный гибкости; Ботвинник не меняет решений, не всегда избирает за жизненной доской сильные продолжения... Вот из-за этого-то книга кое-кого обидела! Словом, в книге отражен сам Ботвинник, но в остальном... В этом и состоит парадокс, открытый Васильевым. Рецензент и выступил как адвокат «обиженных»!

Увы, никакого парадокса в действительности нет, он выдуман. Мне пришлось в жизни бороться, но не из-за своего характера, хотя без него я и не смог бы бороться. Почему же так сложилась жизнь?

В жизни мне повезло. Как правило, мои личные интересы совпадали с интересами общественными — в этом, вероятно, и заключается подлинное счастье. И я не был одинок — в борьбе за общественные интересы у меня была поддержка. Но не всем, с кем я общался, так же повезло, как и мне. У некоторых личные интересы расходились с общественными, и эти люди мешали мне действовать. Тогда и возникали конфликты. Все очень просто.

Васильев приводит в рецензии два эпизода из книги. Первый — когда из-за моих возражений Ильина-Женевского не допустили в полуфинал чемпионата СССР 1929 года. Вот, мол, какой строгий законник нашелся! Для чего это Ботвиннику надо было выступить против Женевского, представителя ленинской гвардии, обаятельного товарища? Обязательно надо было возражать, и я действовал в общественных интересах — из деликатности я не написал этого в книге, — ибо Александру Федоровичу не к лицу было использовать свое общественное положение... Справедливости ради скажу, что за 15 лет нашей дружбы это единственный упрек, который я

могу ему сделать. Кстати, Ильин много раз заодно действовал со мной, когда этого требовали общественные интересы.

Второй — печальная история 1952 года, когда четыре участника сборной команды СССР потребовали исключения чемпиона мира из сборной. По Васильеву, это было всего лишь восстание вассалов; в действительности эти гроссмейстеры свои личные интересы поставили выше общественных. Неужели это не очевидно? Ведь в книге написано, как В. Виноградов, который руководил подготовкой команды и в 1952 году считал, что гроссмейстеры правы, лет десять спустя на совещании у председателя Комитета физкультуры торжественно заявил, что со стыдом вспоминает о своей ошибке. Я и сейчас с теплотой думаю о Владиславе Петровиче. Кстати, на этом совещании присутствовал и мастер, который был заместителем Виноградова по сбору команды в 1952 году,— он не раскаялся... Тем не менее на этом совещании я защитил мастера от увольнения с работы — считал, что действую в общественных интересах. Видимо, я просто не знал, что не должен «никому и ничего прощать»...

Потому я написал книгу, чтобы те, кто способен действовать в общественных интересах, были бы посмелее, а кто не способен —поосторожнее. Поэтому и поддержал издание книги ЦК ВЛКСМ. А когда книга вышла, один известный писатель (и он содействовал выходу книги) написал мне: «...она меня здорово порадовала... тем, что я могу держать ее в руках». Я долго сомневался, Надо ли дарить книгу одному из бывших руководителей Комитета физкультуры; наконец послал ему «на память о былом». И тут же получил неожиданный ответ: «...как человек, знающий кое-что из былого (он по долгу службы был в центре событий и знал все.— М. Б.), о чем рассказывается в книге, хочу сказать, что книга... объективная... я всегда особенно ценил... Вашу объективность...» И книга начинает «топать» по белу свету. Скоро она выйдет в Англии, летом будущего года — в ФРГ, переводят ее на эстонский, идут переговоры об издании книги на сербскохорватском и грузинском.

Вот так, товарищ рецензент и редакция «64»!

Кстати, почему наш «64» не проявил должной компетентности? К сожалению, подобное бывало и ранее. В № 5 за тот же год были опубликованы материалы, посвященные Эм. Ласкеру, в том числе известное предисловие А. Эйнштейна к биографии великого мастера. Нелишне будет предположить, что Ласкер, который как человек сформировался еще в прошлом столетии, когда шахматы занимали весьма скромное положение в общественной иерархии, стеснялся проявить перед великим ученым свою приверженность к любимой игре.

И что же? Журнал публикует в комментарии Б. Вайнштейна к упомянутому предисловию, что «неожиданное и тонкое сравнение Ласкера со Спинозой по-новому освещает жизненную стратегию Ласкера... шахматные «изделия» Ласкера... охотно покупались. В какой другой сфере он мог бы получать по 500 рублей за один день работы?» А прежде было отмечено, что «если бы Ласкер раньше вступил на эту дорогу, он, возможно,

пришел бы к крупным научным открытиям...». Бедный Ласкер — он-то себя защитить уже не может. Вот мне и пришлось стать его адвокатом.

41 год назад я написал, что «шахматы ничем не хуже скрипки». Сейчас с этим уже согласны многие. Но теперь я могу со знанием дела заявить, что шахматы ничем не хуже науки. Тогда несколько лет на меня дулся мой друг Д. Ойстрах; возможно, что и теперь меня ждут некоторые неприятности, но я спокойно смотрю в будущее...

Редакция «64» явно ставит науку выше; быть может, сотрудники редакции и относятся к шахматам, как Спиноза к шлифовке стекол?